

УДК 327.51; 327.57

DOI: 10.31857/S268667300009425-7

Поиск стратегии: США и западные союзники в Совете Безопасности ООН при Д. Трампе

А.А. Синдеев

Институт Европы РАН.

Российская Федерация, 125993 Москва,

ул. Моховая, д. 11, стр. 3б

ORCID: 0000-0001-5016-7931, e-mail: a_sin74@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.02.2020.

Резюме: современные американско-европейские отношения, как правило, изучаются в контексте противоречий, реальных и потенциальных кризисов. Автор же заинтересовал иной ракурс проблемы: происходит ли (вопреки или благодаря президенту Д. Трампу) разработка совместной стратегии развития Запада и адекватных ей средств. В результате исследования различных документальных комплексов сначала была написана статья, посвящённая сценариям американско-европейских отношений [Sindeev A.A., 2019 (с)], а затем появилась и эта статья, в которой анализируется взаимодействие Соединённых Штатов и их основных западных союзников в Совете Безопасности ООН и доказывается, что поиск подобной стратегии идёт. Продолжение исследования в данном проблемном поле имеет, по мнению автора, важное практическое значение, поскольку оно позволяет России через её экспертное сообщество влиять на наметившиеся в интеллектуальном пространстве Запада тренды и их содержательное наполнение. Кроме того, Организация Объединённых Наций и Совет Безопасности в 2020 г. отмечают 75-летие, поэтому как никогда востребованными оказываются статьи и книги, в которых рассматривается их состояние и потенциал. Статья носит дискуссионный характер.

Ключевые слова: США, ЕС, Трамп, Совет Безопасности, солидарство, стратегия Запада.

Для цитирования: Синдеев А.А. Поиск стратегии: США и западные союзники в Совете Безопасности ООН при Д. Трампе. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2020;50(5):39-53. DOI: 10.31857/S268667300009425-7

Search for a strategy: the United States and Western allies in the UN Security Council under D. Trump

Alexei A. Sindeev

Institute of Europe (Russian Academy of Sciences), 11-3b, Mohovaya Str., 125993 Moscow,

Russian Federation

ORCID 0000-0001-5016-7931 e-mail: a_sin74@mail.ru

Received 15.02.2020.

Abstract: The modern American-European relations are often analyzed in the context of crises and conflicts. The author extends the problem area and deals with the question of whether, despite or thanks to U.S. President D. Trump, work is currently being carried out on a future common strategy of the West. The question is of substantial importance because the answer gives us an understanding of how viable the West is and will remain in the competitive war

that has begun, which has spanned various areas of the world. It was only after the author had researched numerous documents in advance that he came to the conclusion that an answer to the question he posed can be found in the cooperation between the United States and Western allies in the United Nations Security Council. This article appears as an interim result. The continuation of scientific work in this problem area is also of practical importance. The Russian Federation can then try to influence the current trends with the help of the community of experts and fill them with the content that takes into account the Russian viewpoint. The United Nations is celebrating its 75th anniversary this year, which makes the problem even more topical. The article has a discussion character.

Keywords: USA, EU, Trump, Security Council, co-leadership, strategy of the West.

For citation: Sindeev A.A. Search for a strategy: the United States and Western allies in the UN Security Council under D. Trump. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2020;50(5):39-53. DOI: 10.31857/S268667300009425-7

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия постоянно приходится слышать о развале Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. С моей точки зрения, это отнюдь не так. Исчезла конфронтационная биполярность как идеологическое и вооружённое противостояние блоков и сверхдержав, произошло объединение Германии, но остались главные элементы системы – Организация Объединённых Наций и Совет Безопасности, а значит, о её развале говорить по крайней мере преждевременно. Несмотря на многочисленные и, к сожалению, не всегда сдержанные призывы провести реформы, никто из серьёзных игроков в обозримой перспективе не собирается отказываться ни от ООН, ни от Совбеза.

Дискуссии, главным образом, ведутся в направлении того, насколько эффективно работает данная международная площадка и как различные цивилизационные проекты способны влиять на неё и использовать её в процессе реализации собственных планов. Впрочем, перед участием в дискуссиях целесообразно задать себе вопрос: «Востребована ли пацифистская проблематика в современном общественном сознании?». Вопрос отнюдь не риторический. Если сравнить популярность экологических и пацифистских тем, то факты говорят за себя. Противопоставлять сложные проблемные комплексы друг другу, естественно, не имеет никакого смысла, но сбалансировать их совместное разрешение необходимо, в том числе и для того, чтобы через воздействие и участие общества выработать приемлемые результаты и добиться долгосрочного компромисса, поскольку автономные и скрытые от глаз общественности действия национальных государственных аппаратов, то есть незначительной части истеблишмента, могут создать спорные реалии и установить крайне противоречивые тренды, (видо)изменить которые впоследствии будет затруднительно. Это угрожает нанести существенный вред упорядоченному развитию международных отношений в столь важном сегменте.

Ялтинско-Потсдамская система переживает этап хаотичной эволюции. Полагая, что вместо развала следует вести речь именно о хаотичной трансформации международной системы. Ведь после того, как состоялся развал, ответственность

исчезает. В лучшем случае останется вина. Трансформация, наоборот, предполагает повышенную ответственность и внимание со стороны всех акторов, но прежде всего государств – основателей ООН.

Автор отдаёт себе отчёт, что смещение хронологических рамок в первом подразделе статьи способно вызвать критику коллег, на которую можно возразить следующее: затруднительно оценить потенциал и охарактеризовать альтернативы, если не иметь точки отсчёта, не обратиться к идее в её первоизданном виде (*Idee pur/pure idea*). Тем более, длительное время страны-основательницы собирались создавать Международную организацию безопасности.

Ф.-Д. РУЗВЕЛЬТ: ИДЕЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ РАЗОРУЖЕНИЯ И ЕЁ ПОТЕНЦИАЛ

29 мая 1942 г. во время встречи с Франклином Делано Рузвельтом в Белом доме нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов услышал от президента: «Для того чтобы воспрепятствовать возникновению войны в течение ближайших 25–30 лет, необходимо создать международную полицейскую силу из трёх-четырёх держав... полицейская сила должна быть образована в составе США, Англии, СССР и Китая. После нынешней войны победители – США, Англия, СССР должны сохранить своё вооружение. Страны-агрессоры и соучастники агрессоров... должны быть, во-первых, разоружены, а во-вторых, в дальнейшем необходимо, чтобы нейтральные инспекторы наблюдали за разоружёнными странами и не давали бы им возможности секретно вооружаться...» [Ржешевский О.А. 2004: 211–212]. Нарушение режима отказа от разоружения подверглось бы сначала наказанию через блокаду провинившихся стран. «Если этого окажется недостаточным, – констатировал Рузвельт, – тогда четыре полицейских будут бомбить эти страны. Другими словами, четыре полицейских, представляя половину населения земного шара, должны будут силой поддерживать мир... в течение 10–20 лет. Тогда постепенно весь мир поймёт необходимость мира и все страны присоединятся к требованию четырёх держав о поддержании мира...» [Ржешевский О.А. 2004: 212–213].

Американский президент упомянул, что не смог ранее, в процессе согласования Атлантической хартии, получить от британского премьер-министра У. Черчилля ответа на вопрос: «[К]ак гарантировать выполнение поставленных целей?» [Ржешевский О.А. 2004: 212]. У. Черчилль, по его словам, «начал говорить об организации общества наций, иными словами, о Лиге Наций. Но Лига Наций оказалась [с точки зрения Ф.Д. Рузвельта – А.С.] неработоспособной организацией», а значит нужно «создать международную полицейскую силу», поскольку разоружение предстоит сделать «постоянно действующим фактором» [Ржешевский О.А. 2004: 212–213]. Если Соединённые Штаты и Советский Союз, по убеждению президента, договорятся, то «Черчилль будет вынужден принять это предложение» [Ржешевский О.А. 2004: 213].

В отправленной с двухдневной задержкой 31 мая 1942 г. шифротелеграмме в Москву В.М. Молотов конкретизировал ещё один аспект проблемы, не вошедший в официальную советскую запись беседы: «По мнению Рузвельта, все

остальные страны, включая Францию.., должны быть разоружены» [Ржешевский О.А. 2004: 234].

В Москве шифротелеграмма В.М. Молотова была получена 1 июня 1942 г. и в тот же день был подготовлен ответ И.В. Сталина: «Соображения Рузвельта на счёт охраны мира после войны совершенно правильны. Не может быть сомнения, что без создания объединённой вооружённой силы Англии, США, СССР, способной предупредить агрессию, невозможно сохранить мир в будущем. Хорошо было бы сюда включить Китай. Что касается Польши, Турции и других государств, я думаю, что можно вполне обойтись без них, так как вооружённые силы трёх или четырёх государств совершенно достаточны. Заяви немедленно Рузвельту, что... его позиция получит полную поддержку со стороны советского правительства» [Ржешевский О.А. 2004: 244].

Осознав значимость для Сталина поднятого Рузвельтом вопроса нарком иностранных дел СССР уже без промедления телеграфировал в Москву: «Рузвельт... просил [сообщить - А.С.], что... также нужно заменить существовавший перед войной режим колоний и подмандатных территорий, которые... должны находиться под опекой трёх-четырёх стран: США, СССР, Англии и Китая (Китай упоминался вскользь)...» [Ржешевский О.А. 2004: 245].

29 ноября 1943 г. во время Тегеранской конференции Рузвельт лично изложил Сталину своё видение международного устройства: «после окончания войны должна быть создана мировая организация, которая будет основана на принципах Объединённых Наций, причём она будет заниматься не военными вопросами... Она будет состоять из 35, а может быть, из 50 Объединённых Наций и будет давать рекомендации. Никакой другой власти, кроме дачи рекомендаций, эта организация не должна будет иметь. Такая организация должна заседать не в одном определённом месте, а в разных местах» [2]. Её исполнительный комитет «будет состоять из СССР, Великобритании, США, Китая, двух европейских стран, одной южноамериканской страны, одной страны Среднего Востока, одной страны Азии (кроме Китая), одного из британских доминионов» [2]. Этому комитету пришлось бы «занима[ть]ся сельскохозяйственными, продовольственными, экономическими проблемами, а также вопросами здравоохранения». Необходим также «общий орган, в котором каждая страна [могла бы] говорить сколько она хочет и где малые страны смогут выразить своё мнение» [2].

Однако, отмечал Ф.Д. Рузвельт, необходим и «Полицейский комитет, то есть комитет стран, который следил бы за сохранением мира», поскольку «если создастся опасность агрессии или же нарушения мира каким-либо иным образом, то необходимо иметь такой орган, который мог бы действовать быстро».

По мнению И.В. Сталина, «малые страны в Европе будут недовольны такого рода организацией. Может быть, было бы целесообразно, – размышлял он, – создать европейскую организацию, в которую входили бы три страны – США, Англия и Россия – и, может быть... дальневосточную или... мировую», с чем Рузвельт не согласился, так как американцы не смогут, по его словам, находиться длительное время в Европе и быть членом европейской организации. К тому же, «если бы возникла необходимость применения силы против возможной агрес-

сии, Соединённые Штаты могли бы предоставить свои самолёты и суда, а ввести войска в Европу должны были бы Англия и Россия».

Президент, как и в мае 1942 г., не отказался от довольно жёстких действий по отношению к стране-нарушителю: «Для применения силы против агрессии имеется два метода, – уточнял он. – Если создастся угроза революции или агрессии или другого рода опасность нарушения мира, то страна, о которой идёт речь, может быть подвергнута карантину с тем, чтобы разгоревшееся там пламя не распространилось на другие территории. Вторым методом заключается в том, что четыре нации, составляющие комитет, могут предъявить данной стране ультиматум прекратить действия, угрожающие миру, указав, что в противном случае эта страна подвергнется бомбардировке или даже оккупации».

Из вышеизложенного следуют по крайней мере три важных для нас промежуточных вывода, непосредственно затрагивающих предмет статьи:

1) Рузвельт фактически выступил за включение в международное право обязательной коллективной ответственности крупных стран за мир и принципа иерархии стран, согласно которому так называемые малые и средние страны могут рассчитывать лишь на определённые полномочия и функции на международной арене. Следовательно, произошло бы существенное урезание их суверенитета;

2) мирное состояние системы международных отношений могло гарантироваться, по его мнению, на 25–30 лет, из которых не менее 10 лет должны быть отведены на признание остальными государствами авторитета стран-полиций. Спустя 30 лет пришлось бы, по всей видимости, вновь согласованно видоизменять прежнюю систему международных отношений. Любопытно, что иерархия в обладании оружием, если она стала бы реальностью, сделала бы неизбежным производственную военную кооперацию стран-полиций. Американскому ВПК едва ли удалось бы сохранить производственную базу без поставок вооружения СССР. Как известно, производственная кооперация в сфере вооружений расширяет военное сотрудничество;

3) наверняка и по этой причине Рузвельт предлагал жёстко наказывать нарушителей мира, бомбардировать их территорию, что в очередной раз подтверждало: ответственность без силы не имеет никакого смысла.

Реалистичность высказанных тогдашним президентом США предложений и трудности на пути их осуществления для данной статьи не имеют значения. Блестящий исторический анализ проблемы дан в трудах профессора В.О. Печатного, на два из которых хотелось бы обратить особое внимание: [Печатнов, 2006; 2009]. Принципиально другое: до сих пор, несмотря на наличие ООН, её органов, различные формы регионального сотрудничества, не даны ответы на поставленные благодаря инициативам Ф.Д. Рузвельта вопросы: «Возможен ли мир вне особой, юридически закреплённой, ответственности и полномочий крупных стран?», «Насколько жёстко должны действовать крупные государства в кризисных государствах?», «Как узко необходимо понимать кризисные ситуации?», «Как должна осуществляться управляемая эволюция международной системы?» и «Насколько оправдан принцип иерархии стран-участниц?».

В результате ответа на последний вопрос мог бы появиться понятный баланс между формальным равенством, нашедшим воплощение в Уставе ООН, и реальной (неформальной) способностью малых и средних стран отстаивать собственные интересы, по-иному сложилась бы практика сотрудничества и связанный с ней феномен солидёрства крупных государств. Прошедшие со дня основания ООН и Совбеза 75 лет не были временем, когда формировалось солидёрство представителей отличавшихся друг от друга цивилизаций и идеологий. Скорее это было время позиционной борьбы.

США И СОЛИДЕРСТВО ЗАПАДА

Применительно к ООН и Совету Безопасности Соединённые Штаты находятся в сложной противоречивой ситуации, обусловленной ожиданиями от них определённого поведения на мировой арене. Противоречие заключается и в том, что, с одной стороны, Америка несёт историческую ответственность и обязана гарантировать континуитет и управляемую эволюцию международной системы; с другой – вынуждена заниматься настройкой американской модели на лидерство в XXI веке, когда вызовы и возникающие актуальные проблемы имеют иной характер, демонстрируют малопонятные переплетения и приводят подчас к неочевидным последствиям. Предположу, что и последствия давления на союзников, о которых пишут коллеги, вряд ли до конца очевидны Д. Трампу. «Общий знаменатель» мероприятий его внешнеполитического курса придётся позднее определять путём анализа реагирования американской элиты на дихотомию «континуитет – новая модель лидерства» и на способность международных институтов обслуживать интересы страны. Однако уже сейчас понятно, что Д. Трамп больше провоцирует на международной арене, чем добивается практических результатов. О внешнеполитических установках и «фрондёрстве» нынешнего президента см. в статье О.В. Приходько: «Во внешней политике Д. Трамп исходит в первую очередь из конкурентной природы международных отношений, где, по его мнению, могут быть лишь победители и побежденные... Д. Трамп убеждён, что новые исторические условия предъявляют более жёсткие требования к союзникам, которые должны приносить гораздо больше пользы политике США... Однако "фрондёрство" Д. Трампа, конфликт его взглядов с воззрениями американского истеблишмента все же имеют свои жёсткие границы...» [Приходько, 2019]. При оценке политики Д. Трампа не стоит забывать и о том, что без союзников и партнёров ни одно государство не может успешно существовать. Другие страны, потенциальные претенденты на лидерскую роль, также ускоренно работают над собственными моделями и не готовы в силу разных причин, полностью «выйти из укрытия», что, естественно, вызывает опасения американцев. Сложность положения Соединённых Штатов продуцирует особое поведение страны в Совбезе ООН, основные черты которого можно свести к следующему:

1) более активную роль играет закулисная дипломатия, преследующая цель не потерять установившиеся каналы влияния;

2) происходит отказ от явного лидерства, запускается стратегия солидёрства стран западной цивилизации, что позволяет, несмотря на известные трудности по остальным направлениям сотрудничества с Евросоюзом, препятствовать распаду западного лагеря, поскольку другим его участникам предоставляется реальная возможность проявить инициативу, позаботиться о разделении труда и новом балансе сил;

3) делается ставка на альтернативные темы в повестке дня Совета Безопасности, чтобы бросить вызов России и, что для Америки более важно, – Китаю. Альтернативная проблематика поддерживает (полу)конфликтную среду и помогает сохранять многие опции открытыми;

4) непрестанно продавливается мысль о неэффективности Совбеза. Обвиняя другие страны, якобы не готовые осознать важность и новизну альтернативных тем, США пытаются выиграть время и избежать критики в свой адрес. Следует учитывать, что альтернативные темы, к примеру, проблематика прав человека, – это, в первую очередь, темы, обсуждение и прогресс по которым будет способствовать укреплению Запада. При этом США и их союзники имеют в виду, что ООН и Совет Безопасности не являются единственными форматами, где можно успешно добиваться реализации собственных целей.

Кратко резюмируя, стоит заметить: избранное Соединёнными Штатами поведение в Совбезе – это симбиоз активного соучастия в формировании единой западной позиции и внешне пассивного лидерства, оправдываемого концепцией «Америка прежде всего» (*America First*). Во избежание недоразумения предлагаю различать традиционное лидерство, которое фактически подразумевает работу страны-лидера над достижением компромисса и весомую долю финансовых и иных затрат, к чему за многие годы привыкли западные союзники США и что начало ослаблять Америку, и новое лидерство, когда акцент, прежде всего из-за приоритета внутривнутриполитических реформ, делается на интересах страны-лидера, а её партнёрам и союзникам остаётся либо безропотно учитывать эти интересы, либо самим браться за поиск компромисса, то есть соглашаться на весомую долю расходов и ответственности, отличные от прежних правила взаимодействия. В последнем случае создается впечатление внешне пассивного лидерства. [Horst, 2019: 17-22; Wead, 2020: 287-302, 323-344]. В стратегическом плане в течение первых трёх лет администрации Д. Трампа американцы интенсивно работали над условиями ограничения суверенитета стран-участниц и над интересующим их фокусированием деятельности Совбеза.

Именно поэтому 18 апреля 2017 г. постоянный представитель США Н. Хейли высказалась за неделимое понимание защиты прав человека и поддержания мира и безопасности, так как нарушения и ущемления прав человека являются, по её мнению, пусковым механизмом конфликта [3: 4]. 21 февраля 2018 г. та же Н. Хейли подчеркнула: «...суверенитет не даёт ни одной стране право попира́ть права человека и основные свободы других людей. Права человека – это дело Сов[беза ООН]», а «[с]уверенитет, – добавила она, – не может быть оправданием для бездействия Совета» [4: 15]. Несмотря на то, что споры относительно предпосылок и условий вмешательства в дела «нестабильных государств», где проис-

ходит нарушение прав человека, продолжают, принципиально возможность такого вмешательства не подвергается сомнению.

Правда, 25 апреля 2018 г. заместитель постоянного представителя К. Эжелз-Карри заговорила о «выработк[е] успешных стратегий выхода [из] миротворческих операций Организации Объединенных Наций» [5: 28]. Последнее станет понятно, если вспомнить сформулированные вице-президентом М. Пенсом 20 сентября 2017 г. условия участия Америки в миротворческих операциях под эгидой ООН. Речь шла о согласии принимающей стороны, реальных мандатах, наличии стратегии выхода, возможности изменения мандата в зависимости от конкретной ситуации [6: 17]. Интерпретировать подобные условия можно как с точки зрения уменьшения ответственности, готовности предоставлять возможность действовать другим странам-участницам и в некотором роде даже принуждать их к этим действиям, так и с точки зрения сохранения свободы рук, что подразумевает участие в тех миссиях, где возможен реальный результат и укрепление авторитета. Впрочем, любопытен и другой аспект проблемы: американцы не хотят планировать долгосрочных мандатов и затяжных операций и настаивают на так называемых гибких мандатах, которые меняются под влиянием конкретных событий, что позволит при желании переложить значительную долю вины за неудачи на Совет Безопасности.

Тем самым США предлагают, по сути, гибкий вариант мультилатерализма и союзнических отношений, когда ни конкретные форматы, ни обязательства крупной державы не являются постоянными. Постоянными – и то при определенных обстоятельствах – остаются лишь институциональные площадки, права, предоставляемые ими возможности взаимодействия и общие цели, к примеру, поддержание западного ценностного понимания идентичности, что, кстати, объясняет роль ценностного уровня в национальной безопасности на современном этапе.

Удержание лидера в необходимой модели поведения становится возможным только на основе его заинтересованности и соответствующей политики союзников, направленной на сбалансированное соучастие, специализацию и разделение зон ответственности. Запускается механизм действия вариативными группами и ситуационного лидерства, что, по сути, усложняет феномен лидерства, но одновременно повышает выживаемость коллективного Запада.

Как ни странно, благодаря такой позиции США может происходить сплочение западного лагеря. Американские союзники способны предъявить собственные подходы и решения. В любом случае западный стандарт в таких условиях будет пусть и медленно, но развиваться. Ведь и существующее международное право – это результат деятельности Запада, а значит, работа над его изменением пойдёт, в первую очередь, на пользу коллективному Западу.

Любопытно и другое: американцы, требуя результативности коллективных действий, создали почву для последующей в 2019 г. критики президентом Э. Макроном Североатлантического альянса в журнале «Экономист».

Не стоит забывать, что администрация Д. Трампа лишь по-иному расставила акценты и несколько изменила то, что пыталась делать администрация

Б. Обамы. 10 января 2017 г. постоянный представитель США при ООН С. Пауэр призывала в Совете Безопасности осуществить реформирование «потенциала Организации Объединённых Наций, сделав его более гибким перед лицом кризисов», не применять суверенитет как «смирительную рубашку», не употреблять завуалированные и порой бессмысленные, по её мнению, дипломатические формулы, а «называть вещи своими именами» и «шире использовать наши возможности в Совете Безопасности для упрочения мира» [7: 12, 14-15], поскольку мерило успеха Совбеза – исключительно воздействие принятых мер.

«ЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОГРАММА»

Неслучайно Франция – и не только в силу исторической традиции – активно включилась в содержательное оформление повестки дня западного лагеря и согласование перспективных форм сотрудничества. Существенное отличие французской позиции от точки зрения США заключается в том, что как средняя европейская держава она вынуждена держать открытыми дипломатические фланги, постоянно выражать готовность идти на диалог со всеми партнёрами, а также по возможности оказывать давление на США, защищая себя от чрезвычайно быстрого перехода к гибкой модели солидарства, поскольку французам и европейцам ещё предстоит решить ряд сложных задач, чтобы соответствовать данной модели [8].

Последнее предполагает, с точки зрения официального Парижа, прояснение потенциала имеющихся институтов. 26 сентября 2018 г., более чем за год до растиражированной СМИ критики Э. Макроном НАТО, французский президент спрашивал на заседании Совбеза: «Чего мы, государства – члены Совета Безопасности, по-прежнему стремимся достичь совместными действиями?» [9: 4]. Как известно, этот вопрос не вызвал интереса СМИ.

В стратегическом плане многие подходы США и Франции совпадают. В отношении миротворчества обе страны размышляют над определением того, что реально может быть осуществлено. О реформировании ООН 21 февраля 2018 г. французский представитель в Совбезе Ф. Делатр заявил: «Новый международный порядок, распространение кризисов и угроз... требуют от нас реформировать нашу Организацию и адаптировать её к вызовам нашего времени <...> Совету нужно быть требовательнее к самому себе и найти способы преодоления разногласий...» [4: 31]. Если 18 апреля 2017 г. Ф. Делатр констатировал: «Разжигающие ненависть нарушения прав человека являются непосредственной *причиной* (здесь и далее в цитате выделено мною. – А.С.) роста напряжённости и насилия, порой до момента дестабилизации целых стран и регионов» [3: 17], то 20 декабря того же года «отсутствие уважения прав человека» стало «[с]ерьёзным вызовом международному сообществу» [10: 15]. Совет Безопасности, с точки зрения Ф. Делатра, не способен «обеспечивать защиту прав человека на всех этапах конфликта», что «препятствует эффективному выполнению его мандата по поддержанию мира и безопасности» [3: 19]. Именно поэтому 19 ноября 2019 г. новый постоянный представитель Франции Н. де Ривьер уточнил: «Правосудие

и борьба с безнаказанностью является важнейшими предпосылками справедливого и долгосрочного примирения» [11: 23].

Французы сознательно расширяют список угроз и настаивают на борьбе с ними. 10 января 2017 г. изменение климата, хотя и «усилива[ло] уязвимости... и угрожа[ло] прогрессу» [7: 18], ещё не признавалось причиной конфликтов. 11 июля 2018 г. тон уже был совершенно иным: «... изменение климата, – утверждал Ф. Делатр, – представляет угрозу для международного мира и безопасности» и оказывается «объективной реальностью и неоспоримым фактом» [12: 18]. Коллективная ответственность за решение данной проблемы должна заставить «...выйти за рамки... институциональной принадлежности» [12: 18].

Одно из последствий такого выхода состоит в том, что сомнению подвергается легитимность Совбеза в его прежней форме, поскольку внедряется «логика 1789 г.», согласно которой легитимность – не результат права, то есть устойчивый феномен, предполагающий набор правовых процедур, а совокупность эффективных действий власть имущих для всеобщего блага, что в случае их отсутствия или незначительной продуктивности оправдывает непредусмотренное правом вмешательство суверена. И не важно, что в нашем случае бездействие Совета искусственно продуцируется. С учётом того, что суверенами на международной арене выступают государства, Франция и Германия создают альянс мультилатералистов, или союз недовольных государств (Имеется в виду франко-германское предложение среди прочего делать «ставку на обязательные правила». Указание на правила вместо норм международного права вызвало критику со стороны министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова. О подходе Х. Маасса см. подробнее: [Синдеев 2019 (1)]). Тем самым деятельность франко-германского тандема распространяется за пределы Евросоюза и должна впредь, как и перспективы франко-германского сотрудничества, оцениваться в более широком контексте.

Немцы лишь готовят свою лепту в солидёрство Запада и в рамках двухгодичного непостоянного членства в Совбезе (2019–2020) официально работают над усилением международного права и обязательств, связанных с ним, а также над расширением возможностей международной системы правосудия, что, по их мнению, должно способствовать большей предсказуемости и стабильности в мире. 1 апреля 2019 г. министр иностранных дел ФРГ Х. Маас (СДПГ) высказался против примата национального права над международным [13: 31]. 19 ноября 2019 г. постоянный представитель Германии К. Хойсен в довольно резкой форме, что до этого было немыслимо, критиковал заместителя постоянного представителя России Д.А. Полянского: «Заявление представителя России стало *неприкрытым* выпадом (здесь и далее выделено мною. – А.С.) против международной системы правосудия, которая, по мнению Германии, является ключевым фактором примирения. В связи с этим я хотел бы задать представителю России три вопроса. Во-первых, что касается Нюрнбергского процесса, который сегодня служит ориентиром для деятельности международных судов, *то в самом ли деле он считает, что эти судебные процессы были ошибкой и что проводить их не следовало?* Во-вторых, говоря о раскритикованном им Международном трибунале по бывшей Югославии, действительно ли он считает, что этому суду не следовало заниматься рассмотрением

дел г-на Младича и г-на Караджича? В-третьих, что касается его упреков в применении двойных стандартов, то известно ли ему, что в Гааге создан специальный суд для судебного преследования бойцов Освободительной армии Косово за возможно совершённые ими преступления против человечности?...» [11: 29]. Применяемый в таких случаях «рецепт» довольно прост: берутся факты и события, значимые для российской идентичности, самосознания граждан или текущей политики, ведётся поиск контрфактов или происходит их внеконтекстное сопоставление с другими событиями мировой истории. Преследуемая цель – поставить российскую позицию под сомнение. От современных российских дипломатов требуется хорошее знание истории, поскольку аргументировать нужно хронологически и подробно в духе исторической логики (описание контекста, содержания факта, последствий и значения). Тогда западные коллеги не захотят в ходе актуальных дискуссий вести долгие исторические споры.

За три предыдущие года Великобритания, по всей видимости, из-за брексита не была лидером в Совбезе, но именно поэтому её позиция является своеобразным индикатором для определения того, к чему стремится Запад. 18 апреля 2017 г. постоянный представитель страны в ООН М. Райкрофт заметил: «Совет Безопасности должен играть конкретную роль» [3: 22]. 20 сентября 2017 г. Т. Мэй высказалась за «чёткую политическую стратегию урегулирования конфликтов» [6: 23]. 5 октября 2017 г. М. Райкрофт подчеркнул: миротворческие миссии ООН не могут быть неизменными, они должны содержать «новаторские и гибкие обязательства» [14: 10]. 16 октября 2018 г. члены Совбеза слышали от тогда нового постоянного представителя Великобритании К. Пирс: «Далеко не все вмешательства мотивированы негативными стимулами» [15: 23]. 1 апреля 2019 г. заместитель К. Пирс Д. Аллен констатировал: «Мы должны последовательно добиваться создания механизма привлечения виновных к ответственности в тех случаях, когда государства не могут или не желают действовать» [13: 28].

Таким образом, в Совете Безопасности страны западной цивилизации куда более едины, чем это представляется в научном и общественно-политическом дискурсах. Следовательно, эксперимент по совместному развитию Запада, по формированию общей программы взаимодействия, действительно, продолжается.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ И РЕКОМЕНДАЦИИ

ООН и Совбез остаются «единственн[ыми] глобальн[ыми] учреждени[ями], занимающим[и]ся поиском путей борьбы с транснациональными угрозами и вызовами, с которыми все мы сталкиваемся...» [7: 12]. Пока они не имеют альтернативы. Однако битва за конкретный сценарий мультилатерализма, за следующие 25–30 лет воспрепятствования «возникновению войны» и за контроль над развитием в мире началась.

Американцы являются авторами обоих крайних подходов: рузвельтовского и постбилоярного, или трамповского. Последнее название оправдано, если принять во внимание время, когда данный подход сформируется в качестве страте-

гии. Согласно рузвельтовскому подходу, мир гарантируется сотрудничеством крупных государств в решении конкретных задач, поддерживается совместным управлением в духе структурированного «концерта держав», а желаемый результат достигается преимуществами кооперации в торговле. Во втором подходе ставка сделана на развитие западной цивилизации и позиционную борьбу за продвижение определённого стандарта. Он предполагает солидёрство. Благодаря Д. Трампу правильнее говорить о поиске приемлемой формы солидёрства и перераспределения полномочий среди западных союзников, в том числе и с помощью многоуровневого мультилатерализма, что на первом этапе предстоящих изменений непременно приведёт к неединым траекториям выполнения зафиксированных в рамках действующих институтов договорных обязательств и функций. Применительно к многоуровневому мультилатерализму, на мой взгляд, возможны две трактовки: либо его имеет смысл понимать как содержательную концепцию, то есть в качестве легитимной возможности вариантивного использования прав и исполнения обязанностей в рамках действующих организаций, либо в институциональном смысле. Тогда речь пойдёт о создании альтернативных организаций. Коллективный Запад пока окончательно не определился, но без устраивающего его полностью данного уровня международных отношений он развиваться успешно не сможет. Коллективному Западу ещё нужно согласовать содержание стратегии и методы её воплощения, но как только согласование завершится, трансформация вполне может быть сориентирована на «новое основание ООН» и превращение Ялтинско-Потсдамской системы в исторический артефакт. Правила на международной арене, как известно, пытаются писать сильнейший. В связи с этим не стал бы исключать прямого шантажа, что в случае отсутствия «необходимых реформ» появятся принципы и структуры многоуровневого мультилатерализма.

Для более детального прогноза и выработки программы действий необходимо допустить, что ООН и Совет Безопасности в прежнем варианте не сохранятся, сотрудничество крупных держав не будет постоянным и станет носить ситуативный характер, а «концерт держав» сменится концертом цивилизационных блоков, но не в конфронтационном варианте, о котором писал С. Хантингтон, поскольку универсально-ценностное единство и технологические преимущества позволят постепенно увеличивать состав западного цивилизационного блока и его влияние. Ч. Линдблом, бывший профессор Йельского университета, в книге, вышедшей на английском языке в 2001 г., подчеркивал идейную пластичность одного из фундаментальных компонентов универсально-ценностного единства («...внутри рыночной системы могут существовать различные её альтернативные формы...») и добавлял относительно альтернативности: «Для координации в масштабах всего общества *единственной альтернативой рыночной системе является система, которая во многих отношениях похожа на рыночную* (выделено автором. – А.С.)... Общество, в котором совсем нет рыночной системы, не достойно рассмотрения в качестве возможного варианта нашего будущего» [Линдблом, 2010: 295–296, 307]. Не исключая, что сделанные Ч. Линдбломом выводы могут частично соответствовать действительности, но бесспорным остаётся западное авторство не только рыночной

экономики, но и других важнейших феноменов, что позволяет коллективному Западу системно управлять их эволюцией и заботиться о расширении круга союзников и партнёров.

Если хотя бы часть из данных допущений является верной, то Россия оказывается в чрезвычайно сложной ситуации. Следовательно, уже сейчас нужно признать не только наличие двух подходов, но и их авторство за американцами, активизировать на международных общественных площадках, в том числе и на молодёжных форумах, реализующих «модель ООН», дискуссии по вопросам, связанным с этими подходами, привлечь к этим дискуссиям европейских и американских партнёров. Последним по причине их (явного или потенциального) авторства будет затруднительно аргументировано отказаться от подобного участия.

Круг вопросов для обсуждения очевиден. В него входят, к примеру, следующие: «Что могут и должны делать крупные страны, чтобы сбалансировать суверенитет и ответственность?»; «Получится – и если да, то как – реализовать солидёрство крупных держав?»; «Существуют ли правила управляемой эволюции международных отношений, ведь положение тех или иных стран в течение последующих 30 лет может измениться?»; «Стоит ли отказываться от иерархии и связанной с ней ответственностью ряда стран, хотя иерархия де-факто присутствует на мировой арене?»; «Имеет ли смысл закрепить её в какой-либо правовой форме и тем самым ограничить?»; «Какие вызовы являются постоянными, какие длительными и какие актуальными?»; «Как должен устранять их Совет Безопасности?»; «Можно ли при этом допустить разные форматы и методы, если да – то какие?».

Задачи, выполнение которых нужно добиться в ходе дискуссий, думается, также понятны: 1) не дать западному проекту созреть в тепличных условиях, 2) перенести закулисные споры в открытый дискурс, 3) информировать общественность и формировать мировое общественное мнение, 4) показать сложность и неоднозначность любых реформ, 5) предупредить о последствиях непродуманных шагов, 6) попытаться при необходимости добиться компромиссного соединения рузвельтовского и трамповского подходов.

Пока в этом направлении несмотря на санкции и текущие проблемы можно работать и с американцами, и с европейцами. Позднее будет сложнее. Впрочем, без повышения значимости идей пацифизма в общественном сознании уже сейчас предстоит преодолевать дополнительные трудности.

ИСТОЧНИКИ

1. Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М.: Наука, 2004. 564 с.

2. Тегеран – Ялта – Потсдам: Сборник документов / Сост. Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. М., 1970. Ссылки в статье даны на электронную версию книги. Available at: <http://grachev62.narod.ru/stalin/confer/content.htm> (accessed 10.01.2020).

3. Совет Безопасности: 7926-е заседание, 18 апреля 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.7926. 31 с.

4. Совет Безопасности: 8185-е заседание, 21 февраля 2018 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8185. 35 с.
5. Совет Безопасности: 8243-е заседание, 25 апреля 2018 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8243. 32 с.
6. Совет Безопасности: 8051-е заседание, 20 сентября 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8051. 46 с.
7. Совет Безопасности: 7857-е заседание, 10 января 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.7857. 139 с.
8. Discours du Président Emmanuel Macron sur la stratégie de défense et de dissuasion devant les stagiaires de la 27ème promotion de l'école de guerre. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/02/07/discours-du-president-emmanuel-macron-sur-la-strategie-de-defense-et-de-dissuasion-devant-les-stagiaires-de-la-27eme-promotion-de-lecole-de-guerre> (accessed 10.02.2020).
9. Совет Безопасности: 8362-е заседание, 26 сентября 2018 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8362. 27 с.
10. Совет Безопасности: 8144-е заседание, 20 декабря 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8144. 84 с.
11. Совет Безопасности: 8668-е заседание, 19 ноября 2019 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8668. 42 с.
12. Совет Безопасности. 8307-е заседание, 11 июля 2018 г. Нью-Йорк. 37 с. Документ ООН: S/PV.8307. 37 с.
13. Совет Безопасности: 8499-е заседание, 1 апреля 2019 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8499. 32 с.
14. Совет Безопасности: 8064-е заседание, 5 октября 2017 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8064. 32 с.
15. Совет Безопасности: 8372-е заседание, 16 октября 2018 г. Нью-Йорк. Документ ООН: S/PV.8372. 26 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Линдблом Ч., 2010. Рыночная система: Что это такое, как она работает и что с ней делать. М.: Изд. дом гос. ун-та-ВШЭ, 320 с.
- Печатнов В.О., 2006. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М.: Терра-Книжный клуб, 752 с.
- Печатнов В.О., 2009. Сталин – Рузвельт – Черчилль: «Большая тройка» через призму переписки военных лет. *Вестник МГИМО-Университета*. № 5 (8), С. 59–69.
- Приходько О.В., 2019. Евроатлантическая политика Д. Трампа: особенности текущей повестки дня. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 11, С. 5–19. DOI: 10.31857/S032120680007283-5.
- Синдеев А.А., 2019 (а), Германия и трансформационные процессы в сфере безопасности: подход Хайко Мааса. *Общество: политика, экономика, право*. № 4, С. 12–15.
- Синдеев А.А., 2019 (b), Дифференцированное сотрудничество: современные американо-швейцарские отношения. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 3, С. 51–67.

Синдеев А.А., 2019 (с). Два сценария американо-европейских отношений. *США & Канада: экономика, политика, культура*, № 10. С. 25-39. DOI: 10.31857/S032120680006803-7

REFERENCES

Lindblom Ch., 2010, *Rynochnaya sistema: Chto ehto takoe, kak ona rabotaet i chto s nei delat'* [Market system: What it is, how it works, and what to do with it]. M.: Izd. dom gos. un-ta-VSHEh, 320 s.

Pechatnov V.O., 2006, *Stalin, Ruzvel't, Trumehn: SSSR i SSHA v 1940-kh gg.: dokumental'nye ocherki* [Stalin, Roosevelt, and Truman: the USSR and the United States in the 1940s: documentary essays]. M.: Terra-Knizhnyi klub, 752 s.

Pechatnov V.O., 2009, Stalin – Ruzvel't – Cherrhill': «Bol'shaya troika» cherez prizmu perepiski voennykh let [Stalin-Roosevelt-Churchill: the "Big three" through the prism of wartime correspondence]. *Bulletin of MGIMO University*. No. 5 (8), P. 59-69.

Prihod'ko O.V., 2019. D. Trump's Euro-Atlantic policy: features of the current agenda. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No 11, P. 5-19. DOI: 10.31857/S032120680007283-5.

Sindeev A.A., 2019 (a), Germany and Transformation process in security: the approach of Heiko Maas. *Society: politics, economy, culture*. No 4, P. 12-15. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2019.4.1>.

Sindeev A.A., 2019 (b). Differentiated cooperation: modern US-Swiss relations. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No 3, P. 51-67. DOI: 10.31857/S032120680004155-4.

Sindeev A.A., 2019 (c). Two Scenarios of US-European Relations. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No10, P. 25-39. DOI: 10.31857/S032120680006803-7

Bach O., 2020, Ein Ende der Geschichte? Entstehung, Strukturveränderungen und die Temporalität der Globalisierungssemantik seit dem Zweiten Weltkrieg. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. Heft 1, P. 128-154.

Horst P., 2019. *Halbzeitbilanz der Trump-Regierung: Innenpolitik – Außenpolitik – Demokratie*. Wiesbaden: Springer, 53 p.

Wead D., 2020, *Donald Trump: die wahre Geschichte seiner Präsidentschaft – mit bisher noch nie da gewesenem Zugang zum Präsidenten, seiner Familie und seinen engsten Beratern*. München: Finanz Buch Verlag, 489 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СИНДЕЕВ Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института Европы РАН. Российская Федерация, Москва 125009, Моховая ул., д. 11, стр. 36

Alexei A. SINDEEV, Doc. Sci. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. 11-3b, Mokhovaya Str., 125993 Moscow, Russian Federation